

У самки два-три раза в год бывает от пяти до двадцати двух детенышей. Первое время они бывают совершенно голые и красного цвета, но потом белеют и покрываются шерстью.

Через месяц они очень привлекательны, забавно играют, бегают и барахтаются друг с другом, нередко садятся на спину матери, и она таскает их на себе.

Уже с давних времен употребляется масса средств для истребления крыс, различные яды, крысоловки, западни.

Но лучшими истребителями крыс являются их естественные враги: совы, вороны, ласки, кошки и собаки-крысоловы. Было замечено, что крысы быстро переселяются в другое место, лишь только несколько из них станет жертвой одного из этих истребителей.

К семейству крыс относятся, кроме домовый, и так называемые водяная и земляная крысы.

Водяная и земляная крысы бурого цвета с беловатым брюшком, достигают 21-27 сантиметров длины, хвост—6-8 сантиметров. От домовый крысы они отличаются более коротким хвостом, толстой, круглой, короткой головой, чрезвычайно короткими ушами, спрятанными в шерсти.

Водяная крыса живет, как показывает уже самое ее название, у воды и в воде, преимущественно стоячей.

Земляная живет вдали от воды и выкапывает норы наподобие кротовых; при этом она подгрызает

корни растений, чем наносит вред садам и полям.

Водяная крыса, устраивая свое жилище в воде, причиняет менее вреда человеку. Пища ее состоит из насекомых, личинок, рыбок, но она поедает и яйца птиц, подобно полевой, ворует с огородов бобы, горох, картофель и пр., делая себе из них зимние запасы.

Размножаются водяные и земляные крысы менее быстро, чем домовые, но все же три-четыре раза в год у них бывает от двух до восьми детенышей.

Зимою, в сильные морозы водяные и земляные крысы прячутся в свои норы и впадают в зимнюю спячку.

СЛЕПЫЕ КРЫСЫ

Рассказ Ф. Марза.

В неведомой, беспредельной тьме зарождался и зрел знобящий холод, который быстро появляется в последний час пред рассветом...

Из дальнего угла, где крыса работала у мешка с картофелем, слышались от времени до времени странные, хрустящие и скребущие звуки. Помимо этого господствовала тишина. Воздух казался мертвым и был полон сырыми запахами ямы...

Вдруг—пронзительный визг,—крик несказанного страдания, перешедший в протяжный, тонкий, жалобный стон и сразу как-то нелепо прервавшийся... И на полу сарая мгновенно закишело целое стадо крыс. Откуда они явились,—нельзя себе и представить. Они оказались здесь во мгновение ока.

Весь пол, казалось, состоял из крыс или, вернее, из крысиных глаз, потому что в непроглядной тьме можно было видеть лишь глаза, пары блестящих внутренним светом точек, коварных, злых кружков, носившихся то туда, то сюда... Эти зверьки всегда

так: стремглав сбегаются на крик одного из своих родичей, попавшего в беду. Но зачем?.. Чтобы помочь ему или чтоб съесть несчастного, это—еще неразрешенный вопрос.

Далее—минута затишья и неподвижности; потом—шорох от чего-то, протискивавшегося сквозь дыру, которая служила лазом со двора в сарай... Мелькавшие пары глаз, все вдруг, уставились в ту сторону и словно замерли. «Что-то», очевидно, страдало: оно жалобно взвизгивало среди протяжных стонов и медленно, неуверенно царапалось по своему узкому пути. Когда, наконец, оно вынырнуло из непроглядной даже для крыс тьмы лаза,—его все-таки не мог бы усмотреть человек-наблюдатель, потому что глаза не выдавали присутствия вновь явившегося. У него не было глаз!.. По крайней мере, не было того, что заслуживало бы названия этого органа. Глаза у него были обожжены негашеной известью, хотя, как именно случилась эта катастрофа,—остается неизвестным.

Когда прочие бесчисленные крысы увидели то страшное, что явилось пред ними, обмазанное сплошь белой массой, жалкое, страдающее,—они все вдруг, хором, застрекотали; это производило впечатление какого-то мелкого, злобного смеха... А между тем среди них были теперь уже две их безглазых товарки: вторая влезла следом за первой... Будь они раненые, в крови,—от них мгновенно не осталось бы ни шерстинки...

Но при таком обороте дела, вместо каннибальского ¹ пира, начался, повидимому, крысиный совет. По крайней мере, в течение десяти минут две слепые крысы, все еще взвизгивавшие и яростно чесавшиеся, находились в середине круга своих бесчисленных родичей, уставившихся на них и возбужденно стрекотавших. Почему обе пострадавшие не были загрызены и съедены в это время или вслед за тем, трудно сказать.

Может быть, негашеная известь отвратила крыс от этого, или их опыт и знание не включали в себя понятия о слепоте,—кто знает? Именно у крыс и у волков больше, чем среди других животных, развит закон «стадного», массового чувства, самый суровый и точный закон в мире, трудно усвояемый, однако, человеческими существами. Неизвестное больше всего устрашает животных. И можно думать, что стадное, массовое чувство страха теперь преодолело в крысах их каннибальские наклонности.

Как бы то ни было, в конце концов, вожак стаи—крупный седой самец, державший власть единственно с помощью наводимого им страха,—должно быть, постановил решение: он обернулся назад через плечо и что-то прострекотал. Это был, очевидно, приказ: четыре сильные молодые крысы

¹ Каннибализм — употребление в еду себе подобных, людоедство. (Прим. ред.).

из задних рядов тотчас же подскочили к двум слепым и повели их, поддерживая с обеих сторон плечами, в спасительную тьму норы.

На крыс в этой большой старой усадьбе готовилось гонение. Они спокойно плодились там до тех пор, пока не развелось их столько, что, наконец, им буквально не стало хватать места; тут только хозяева взялись за ум—явились проволоочные силки, капканы, большие мышеловки... Напрасно. При невероятной крысиной хитрости, все это нисколько не содействовало уменьшению паразитов. Говорят, будто употребили в дело негашеную известь, хотя, как именно,—остается до сих пор тайной неведомого изобретателя. Наконец, было пущено в ход последнее, действительное, но, конечно, крайне несимпатичное средство...

В течение двух суток пара слепых сидела безвыходно в своей норе, потихоньку переговариваясь по-своему между собою и жалуясь друг другу на боль. Однако, они не забывали отчищать себя и особенно свои обожженные головы. Известки на них давно уже не было и следа, но, к слову сказать, крысы вообще очень заботятся о чистоте своего тела. Оно и понятно: животные, питавшиеся отбросами,—такой пищей, в которой развиваются зародыши, по крайней мере, половины всех болезней на свете,—не могли бы существовать и размножаться, если бы не были крайне чисты хоть снаружи.

На третью ночь слепые, наконец, решились выйти из норы в поисках пищи и воды; особенно воды; потому что крыса—жадное до воды животное и пьет ее в огромном, сравнительно, количестве. Вышли они из норы не одни, а с теми же своими четырьмя провожатыми, ведшими их, как прежде, по одному с каждой стороны.

Это была единственная в своем роде процессия, когда она двигалась по полу сарая и вышла затем через нору под стеной во двор. Там можно бы было ожидать тишины и спокойствия под холодным светом полуночного месяца; однако, дело обстояло не так. Во дворе слышались писк, визг, шум возни... Крысы здесь так и кишели.

Путь процессии лежал поперек двора, к конюшне, около которой находился водопой для скота; под водопойным корытом всегда была лужа воды. Около лужи сидела крыса. Ей, видно, было что-то не по себе, нехорошо: она качалась из стороны в сторону и вся надулась. Такой вид бывает у больной крысы... Немного в стороне другая бродила медленно, неверной поступью, описывая круги, с видом совсем одуревшей... Еще дальше виднелась третья, но эта уже не страдала: она была мертва...

Компания при виде этого остановилась, почуяв беду. Но одна из провожатых захотела воспользоваться остановкой и расследовать поближе, что это за комок влажного и соблазнительного с виду ячменного теста лежит немного впереди, на самой дороге... Шагнула, коснулась было его носом,—и

вдруг была отброшена назад чьим-то сильным толчком. Перекувырнувшись через голову, она, однако, тотчас же вскочила на ноги и приготовилась к бою... Перед нею, лицом к лицу, стояла на задних лапах готовая к схватке и загораживая собой лакомый кусок теста одна из слепых крыс... С этой драться неудобно!.. Провожатая пыталась было прокрасться боком вокруг нее, но та расслышала маневр и опять стала ей на дороге с угрожающим видом...

Тут провожатая заметила, что другая из пары слепых осторожно лапами сталкивает с дороги кусок соблазнительной еды, и что таких точно комьев теста раскидано много по всему двору... Это подозрительно, очень подозрительно! В этом—какая-то опасность, что-то страшное, как в неизвестном!.. И молодая крыса решила, что лучше не трогать вовсе этой еды.

Соблазнительная пища была, действительно, отравлена... Ну, теперь вы поняли это, я знаю; но как же об этом узнали слепые крысы?.. Обычно объясняют это крысиным чутьем.

Часа через два после этого, когда пара слепых и четверо провожатых основательно позаправились в амбаре хозяйским овсом, лучшим, отборным овсом по рублю с четвертью за меру,—они отправились было домой, то-есть в нору под сараем... Но неизвестное,—это ужасное неведомое,—поджидало их на дворе, и они остановились на пороге, сбившись в кучу, пораженные, испуганные...

Там, по всему двору, шла неописуемая сумятица,—визг, жалкое, замирающее бормотанье, пронзительные крики, выражавшие нестерпимую муку,—если вообще они что-либо могли выражать,—страдальческое хрипение...

Теперь это уже не негашеная известь: это яд, страшный мышьяк, которым люди отравили ячменное тесто и щедро разбросали потом куски отравы по двору... В одном углу большая, известная своей злобой, крыса-самец бессильная, теперь никому не страшная, сидела скорчившись на задних лапах, что-то будто шепча самой себе и качаясь взад и вперед. Вдруг она вся вздрогнула, упала на спину и стихла навсегда... Около лужи под водопойным корытом была самая отчаянная толкотня. Сжигаемые ядом грызуны кидались толпами к воде и там находили смерть... Здесь те, что еще оставались в живых, сидели кучками и жалобно пищали.

Что-то внезапно выскочило большими прыжками из-под амбара и подбежало к куче крыс, где были слепые и их провожатые. Оно на мгновение поднялось на дыбы, щелкнуло острыми, злыми зубами и, опустившись на все четыре ноги, словно замерло в каменной неподвижности. Это был «вожак», глава всех крыс в усадьбе; никто еще не остался в живых из тех, кто думал ему когда-нибудь противиться.

Он вдруг оглянулся через плечо и сказал что-то нетерпеливым, резким визгом. И тотчас же пара слепых,—провожатые не отставали от них ни на

шаг,—кинулась вперед и, подняв кверху свои белые, незрячие глаза, испустила долгий, пронзительный не то визг, не то свист. Это был сигнал: «в поход!» Сигнал, звук которого немногим из людей приходилось слышать.

То, что последовало за этим, последовало быстро. Весь двор сразу переполнился крысами. Амбар, коровник, сарай, свинарник, помойки, выгребные ямы,—все, где были мрак, грязь, вонь—выбросило мгновенно своих крыс целыми тысячами. Все, оставшиеся в живых, немедленно явились на сигнал; эти оставшиеся в живых были большею частью взрослые, опытные, знавшие уже, что такое яд, и видевшие его действие раньше.

Затем они двинулись «в поход». Не было ни малейшей остановки, суеты или колебания; ведь, как уже говорилось, ими управлял незыблемый закон стадности. Вожак подпрыгнул на своих длинных задних ногах и затрусил вприпрыжку со двора через ворота в поле; остальные следовали за ним все до одной.

Часа через два после этого человек, шедший по уединенной проселочной дорожке, верстах в десяти от бывшей «крысиной» усадьбы, встретил шествие в его «походе». Он был неробкий человек, но «ночного похода» крыс нужно беречься и давать ему дорогу. И он дал дорогу крысиной процессии, сам вскарабкавшись поскорее на ближний плетень. Отсюда он и наблюдал живой поток крыс, катившийся внизу, под самыми его ногами.